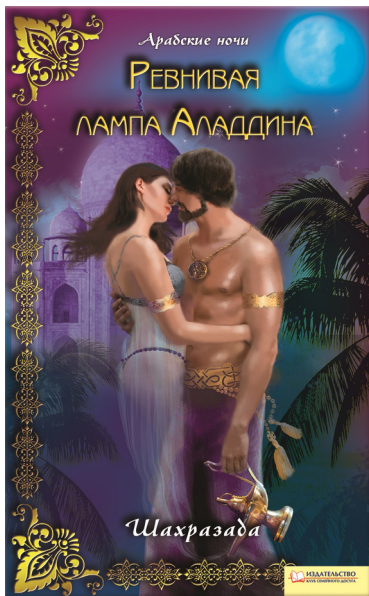

Шахразада
Ревнивая лампа Аладдина
Серия «Арабские ночи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11669060
Ревнивая лампа Аладдина: Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2009
ISBN 9789661431484

Аннотация

Полная страсти и приключений история о прекрасном юноше Аладдине, магах и духах, царях и простолюдинах, о всепокоряющей вечной любви. Маг Черный Магрибинец явился в Багдад, чтобы использовать Аладдина для воплощения своих коварных планов. Но Аладдина занимает совсем другое – его сердце пылает любовью к царевне Будур, необыкновенно красивой, но ветреной и жестокосердной девице. В конце концов, как и положено в сказочной истории, каждый получает свое... Интересно, как это возможно?

Содержание

Макама первая	5
Макама вторая	7
Макама третья	9
Макама четвертая	12
Макама пятая	15
Макама шестая	19
Макама седьмая	23
Макама восьмая	26
Макама девятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Шахразада

Ревнивая лампа Аладдина

© Подольская Е., 2009

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009, 2012

* * *

– Не стоит удивляться чудесам нашего города, о путник, – продолжил чуть хрипловатым голосом Аладдин, высокий привлекательный мужчина.

Трудно было определить его возраст, ясно было лишь одно – невзгоды оставили следы на его лице, посеребрив на висках некогда иссиня-черную шевелюру и разбежавшись морщинами от уголков мудрых глаз.

– Но как же мне не удивляться чудесам прекрасного Багдада, о Аладдин?! Здесь каждый камень наполнен тайнами, за поворотом любой улочки скрывается легенда, а ночная пора обещает еще не одну сотню преданий...

– Ты прав и не прав, чужестранец. Да, стены нашего великого города, пусть хранит его Аллах милосердный, властитель сущего, видели множество чудес. Но главное чудо и главный секрет нашего города – это его жители. Они украшают белостенный Багдад так же, как самоцветные камни украшают скромное золотое кольцо.

– Разум подсказывает мне, благородный Аладдин, что и ты хранишь в своем сердце не одну легенду о великом Багдаде... – Путник из далекой страны, что лежит на закате солнца, отпил из пиалы глоток шербета.

– Наш мудрый Аладдин и сам – живая легенда прекрасного Багдада, – вступил в разговор третий собеседник, Фарух.

Был он уже немолод, но так силен, что соседи просто диву давались. Говорили, что странствия с самим великим Синдбадом-мореходом необычайно закалили Фаруха и что теперь ему суждена целая тысяча лет жизни.

– Так быть может, мудрый Аладдин поделится с нами этой легендой? – в глазах путника горел нешуточный интерес.

– Да будет так, – склонил голову мудрый Аладдин. – Но произошло это давно... Еще в те времена, когда я был очень молод и очень глуп. Должно быть, мне сегодняшнему и не пристало стыдиться своего скудоумия в юные годы. Но... Это так. И потому я расскажу историю своего первого приключения так, будто произошла она не со мной, а с юношей, что живет по соседству... Быть может, на нашей улице... А быть может, на восточной окраине этого прекрасного и великого города, да будет суждено ему сто жизней!..

Макама первая

Под высокую сводчатую арку главных ворот великого города Багдада неторопливо входил путник в длинной черной запыленной одежде. Посох его был истерт, износились и его башмаки. Но странник дышал ровно – так может дышать человек, привыкший к далеким и трудным переходам. Уверенным движением он откинул с лица конец чалмы, и суровое обветренное лицо осветила улыбка.

Перед ним лежал город, которому предстояло стать городом Судьбы. Где-то здесь живет тот, кому откроется тайна всех тайн, сокровеннейший путь к величию и могуществу. Тот самый путь, который искал странник. Но до начала поисков этого человека, человека Предзнаменования, нужно было раскрыть еще одну тайну. Странник в черном знал, что у стен древней обсерватории, развалины которой лежали к полудню от городской стены, ему должно открыться знание... И как бы ни был далек путь, что уже прошел странник, но до желанного отдохновения его отделяла еще не одна тысяча шагов. И потому, вновь прикрыв лицо краем чалмы, суровый незнакомец вошел в город.

Буйство красок на миг ослепило человека в черном. Стены домов были снежно-белыми, одеяния горожан пестрели всеми цветами радуги, заборы-дувалы скрывались под многоцветными коврами, игравшими на ярком солнце самоцветами блестящих нитей... И гомон... И крики торговцев... И суета... И бесконечное мельтешение...

Как далек был сейчас человек в черном от всего этого! Как мечтал он тенью проскользнуть к старым камням обсерватории!.. Где-то там ждало его не только знание о человеке Предзнаменования, но и заветный камень, Камень Судьбы.

Если в Книге жизни сможет он найти свою страницу, то ждет его невиданное величие, могущество, подобное могуществу бога, жизнь, сладость которой не сравнить даже со всем медом стран и городов мира... Но если Камень Судьбы не захочет открыться ему сейчас, значит, не захочет уже никогда. Ибо нынешнее странствие, которое должно было завершиться в этот день на закате, будет последним, пятым странствием... Уже четыре раза звезда Телеат призывала его в дорогу, четыре раза восходила над ним, но скрывала путь к Камню Судьбы. Но не зря же ветер далекого моря принес ему повеление отправиться в странствие именно в тот жаркий день, когда лето переваливает через середину!

Человек в черном считал себя великим магом. Быть может, так оно и было – ибо ведомы были ему голоса пыли и ветра, моря и звезд. По листьям платана он читал как в раскрытой книге. А каждый цветок жасмина был для него подобен голосу человека, что повествует о понятном и близком. Не один десяток лет провел человек в черном среди магов Магриба. Тайком собирал знания еще в те дни, когда был лишь учеником. Когда же заприметил его наставник, стал он самым сосредоточенным и внимательным из всех воспитанников. Тайные слова и обряды, изуствные знания и книги, мелодии человеческих жизней и жизней тварей в пучинах – все со временем изучил этот суровый человек. И наконец настал тот день, когда понял он, что вобрал в себя все тайные знания до последней крупички. Но не ради всех знаний мира трудился в поте лица этот загадочный человек. Ибо колдовство Магриба воспитало не просто могущественного мага, а *самого* могущественного... Этому человеку никогда не нужна была часть власти – он хотел всегда *всей* власти, его не интересовали крохи знаний – ему нужны были *все* знания, его не волновала лишь мирская власть – он мечтал о власти надо всем сущим. Одним словом, этот черный магрибинец был жаден до могущества, и жадность его воистину не знала пределов.

Вот этот человек и искал теперь дорогу к развалинам обсерватории. Вернее, он прокладывал себе дорогу среди шумной и нарядной толпы. Его не удивляло обилие людей, но его

не радовали бы и пустые улицы. Впрочем, для него улицы всегда были пусты – ибо не встречал он на своем пути равных себе, а остальных брезгливо не замечал.

Чем ближе он подходил к полуденной стене, тем чаще останавливался. Нет, ему не стискивало грудь волнение, его не тревожили и все те чувства, что делают человека человеком. Путник искал лишь знаки – камни, слова в шумной толпе, звуки мелодии из-за дувала – знаки, что могли бы ему подсказать, насколько благосклонна к нему судьба. Пожалуй, лишь судьбу считал он настоящей соперницей. Только она могла остановить его на пути к всевластию. Но пока магрибинец видел вокруг себя только благоприятные приметы – похоже, что в этот знойный день судьба выступала не соперницей его, а союзницей. Но, быть может, потакая мелким прихотям человечка, испытывала его...

В тот миг, когда магрибинец достиг развалин, солнце спряталось за тучами, которые возникли на небе словно ниоткуда. Лишь один человек во всей округе знал, что тучи появились по велению черной и страшной магрибской магии. Любому, кто в эти минуты оказался бы рядом с развалинами обсерватории, показалось бы, что вот-вот разразится сухая гроза, способная поджечь деревянные настилы и балки навесов над лавками. Сильный ветер обнял магрибинца, и тот стал подниматься по камням все выше. Вот до стены города осталось два десятка шагов, вот всего один десяток... пять шагов... Три...

И в это мгновение маг застыл. Словно черные крылья, развевались полы его одеяния. Из простертых вверх рук ударила в небеса черная молния... Громовой голос, казалось, воцарился над всем миром:

– Кто он? Звезда Телеат, скажи мне его имя! Кто тот избранный, что поднимет для меня Камень?

– Человечек... Наглец... Букашка... – Казалось, само пространство заговорило глубоким раскатистым голосом – и то был голос Мироздания: – Как смеешь ты тревожить Мир? Зачем тебе знания, которые погубят тебя?

– Знания возвеличат меня! Камень сделает меня всемогущим! Ибо я достоин только этого!

Громовой хохот мог в любой момент опрокинуть наглеца, вздумавшего тревожить Вселенную своей никчемной суетой.

– Пусть так... Ты увидишь все сам, человечек... Избранного зовут Аладдин, сын мастера Салаха.

– Благодарю тебя, звезда знаний!

Голос магрибинца был еле слышен за ревом ветра, бушевавшего вокруг.

– Не благодари, ничтожный! Ты вызвал к жизни свою погибель!..

И вновь раздался громовой хохот. Но он становился все тише. Вот уже пропал и ветер что, казалось, готов был разорвать в клочья черное одеяние магрибинца.

– Аладдин, сын мастера Салаха... – проговорил маг, словно пробуя на язык имя того, в чьих руках, как он надеялся, находится с этого мига его судьба и судьба всевластия.

Стих ветер, исчезли черные тучи, что непроницаемой пеленой заволокли небосвод от края и до края... Звезда открыла свою тайну, назвала имя человека Предзнаменования. Откроется ли ему Камень? Узнает ли он тайну тайн?

Макама вторая

– Но, дочь наша, звезда нашей старости, ответь! Зачем тебе понадобился этот недостойный?

– О ком вы, отец?

– О греке, толмаче.

– А, о Никифоре...

– Зачем ты свела его с ума? Ведь он теперь вместо толковых речей несет какую-то околесицу, слова внятно сказать не может!

– А мне кажется, что он говорит вполне толково!

Царевна Будур, дочь властелина правоверных, властителя Багдада, да хранит его небесный свод, наконец оторвалась от созерцания загнутых носков своих башмачков.

– Толково... – у ее отца перехватило дыхание, казалось, негодование его сейчас просто убьет.

– Конечно толково, – кивнула Будур, и драгоценные камни в длинных серьгах сверкнули кинжальным блеском. – Вчера он мне вдохновенно поведал, как мы с ним убежим, как будем жить своим умом, всего добьемся собственными трудами, как его любовь сделает меня счастливой... Глупец...

– Но зачем он тебе понадобился, скажи нам? Разве мало у тебя женихов, достойных твоей руки и нашего благословения?

– Ах, отец, да он мне вовсе не нужен! Я всего один день любовалась его длинными прекрасными ресницами. А он уже вообразил невесть что!

– Дочь наша, – халиф устало опустил на подушки, – но когда же ты поймешь, что недостойно царевны, недостойно дочери халифа вести себя, словно девка из веселого квартала!..

– Отец, мне все равно, что ты думаешь обо мне! Никто из этих никчемных слабых мужчин мне не нужен... Ну, если хочешь, можешь убить их всех!

Халиф Хазим Великий, зять мудрой царицы Ситт Будур, и сам уже давно царь, никак не мог понять, почему его дочь, внешне так напоминающая бабушку, вздорностью и нравом не похожа ни на кого ни в роду великих халифов, ни в роду Фудзивара. Эту девчонку с малых лет баловали, ей потакали в малейшей прихоти. Будур было доступно все – от фарфоровой куклы до горячего коня. Но вместо благодарной и мудрой владычицы выросла... Халиф мог произнести это слово лишь про себя, дабы вслух не оскорбить стен дворца, что видели здесь не одну мудрую царицу. Одним словом, выросла стерва – жестокая бессердечная кукла.

Царевна играла жизнями подданных, не щадила служанок, жестоко наказывая их за малейшую провинность (а то и вовсе без провинности). Ее желания были иногда такими странными, трудновыполнимыми. Халиф уже подумывал о том, что было бы мудро найти какого-нибудь отчаянного храбреца, готового на любые безумства, – и посылать его на выполнение поручений царевны. Но безумцы почему-то обходили стороной владения халифа Хазима, опасаясь, вероятно, что очередное поручение станет и последним в их жизни. А вот подросшая Будур решительностью и безрассудством могла поспорить с сотней отчаянных храбрецов.

То ей пришла охота под покровом ночи покинуть дворец, взяв с собой лишь одну служанку, и до самого утра гулять по пустым улицам города. То, упражняясь в умении владеть оружием, вместе с десятком мамлюков участвовала она в сабельной схватке. Не прошло и месяца, как Будур решила стать колдуньей, выбралась через окно и убежала в квартал, где издавна жили маги и колдуны (а среди них и те, кто лишь считались таковыми, – ибо немало было среди них и шарлатанов).

Но более всего пугала царя Хазима страсть Будур сводить с ума всех мужчин, кто хоть раз осмеливался поднять глаза на совершенный в своей красоте лик царевны. С сожалением Хазим вынужден был признать, что дочь была необыкновенно привлекательна, но красота эта была жестокой, колдовской, немилосердной. Бессердечная царевна играла жизнями своих воздыхателей так, словно это были не живые люди, а пешки в шахматной игре, благороднейшей из игр.

Несчастный Никифор, последняя из жертв жестокости Будур, уже неделю ходил словно зачарованный. Царь до поры до времени терпел это, рассудив (не зря же он был любимым зятем мудрой Ситт Будур), что это чувство грозит несчастьями одному лишь греку. Но только вчера Никифор допустил промах, который чуть было не стоил царю изрядной доли казны – несчастный толмач так истолковал слова купцов, что царь едва не купил безлюдный и бесплодный островок у берегов страны франков.

Досадное недоразумение разрешил второй толмач, мужчина в годах, славянин Влас, знавший множество наречий. Почему Будур не оплела его своими сетями, было неясно, тем не менее его вмешательство не облегчило участи Никифора, которого Хазим приказал заточить в каменный мешок (более для того, чтобы так излечить его от жестокой страсти к царевне, чем из желания убить несчастного глупца).

И вот теперь царь пытался понять, зачем дочери понадобилось кружить голову юному греку. Но дочь опять не дала никакого вразумительно ответа. Похоже, делала она это просто из интереса.

Царю Хазиму вдруг пришла в голову страшная мысль. Что будет, если его дочь влюбится вот так – безнадежно, бессмысленно? Какие беды накличет она собственной безрассудной страстью? Что может сделать с ней тот жестокий, кто вызовет в ней подобную страсть? И что тогда станет с ней самой – любимой, избалованной дочерью всесильного халифа, повелителя правоверных, да хранит Аллах всесильный и всемилостивый его царство сто тысяч лет?

Страшны были картины, что промелькнули перед мысленным взором халифа...

Но что ему теперь делать? Как смирить непокорный нрав царевны? Как превратить ее в девушку, достойную называться дочерью повелителя правоверных? Где найти мага, что внушит Будур почтение к древним законам, страх перед всесильным отцом и уважение к себе самой?

Сама же царевна Будур расценила молчание отца как свою очередную победу. Но это была победа лишь над отцом – второй толмач пожирал ее глазами, но не осмеливался коснуться даже кончика шелкового покрывала! Она решила, что надо будет уговорить халифа отпустить Никифора. Пусть покажет, как сильна его страсть! А если эта страсть ее не возбудит... Ну что ж – каменный мешок вновь примет несчастного в свои холодные объятия. Теперь уже навсегда.

– Дозволит ли мой великий отец, повелитель правоверных, да хранит Аллах его мудрость, удалиться к себе в покои?

Иногда Будур могла быть почтительной и нежной. Почти такой, как хотелось бы халифу Хазиму.

– Иди, дочь наша!

Край шарфа, поднятый прохладным ветерком, исчез из виду, стихли шаги дочери. Но халиф по-прежнему думал, где найти мага, который превратит Будур из бессердечного чудовища в разумную и послушную дочь. Таковую, какой некогда была ее мать, пока не призвал царицу к себе Аллах всемилостивейший и милосердный.

Макама третья

– Аладдин! Аладдин, где ты?

Голос матери Аладдина был слышен в обоих концах улицы. Но ответа не было.

– Аладдин!

– Не зови его, тетушка Фатима, он тебя не услышит!

– Да благословит тебя Аллах, Вали! Но почему меня не услышит мой сын?

– Да он еще до рассвета с моими братьями и с Саидом-безумцем ушел из города!

– О Аллах, но зачем?

– Говорят, вернее, моя бабушка говорит, что в город пришел колдун... – голос мальчишки упал почти до шепота. – Бабушка видела, как по воздуху летали камни, с черного неба гремел голос самого Аллаха, а следы колдуна превратились в ямы, наполненные черной водой. И будто бы это ямы без дна, но, нырнув туда, можно найти клад...

– И это все видела твоя бабушка, малыш?

Про себя же почтенная Фатима подумала, что не Саида, поэта и ученого, следовало бы назвать безумцем, а старуху Зейнаб, бабушку разговорчивого Вали. Ибо Зейнаб всегда приносила с базара странные истории, рассказывала о чудесах, которые видела. Слышались ей голоса, виделись странные картины... Быть может, все это было ложью, но разве не старуха когда-то давно первой бросилась к мастерской Салаха, отца Аладдина? Она бежала тогда по улице и кричала, что Салаху попало в глаз расплавленное золото и теперь он корчится в страшных муках. А увидела это она, как рассказывала потом мать Вали, в молоке, что переливала из одного кувшина в другой. Чуть не разбила опустевший кувшин и, не закрыв лицо, бросилась к дому Фатимы, а потом переполошила всех соседей.

Это страшное видение оказалось чистой правдой – мастеру Салаху действительно попала в глаз капля расплавленного золота. Он раскачивался, стоя на коленях, держась обеими руками за голову, и стонал от боли и ужаса. Лекарь помог ему, снял боль, вылечил ожоги, но, конечно, глаз вернуть не смог. И с тех пор мастер Салах стал кривым, но ведь остался жив! И потому Фатима была благодарна бабушке Зейнаб, хотя и называла ее про себя безумной старухой. А все остальные соседи поверили во всеведение бабушки Вали и обычно принимали ее слова за чистую монету. Понятно, почему Аладдин убежал вместе с другими мальчишками смотреть на эти страшные следы колдуна. Понятно, почему за мальчишками увязался и Саид – он всегда говорил, что мечтает своими глазами увидеть что-нибудь удивительное... А разве не удивительны ямы без дна, наполненные черной водой и кладами?

– Да, почтенная Фатима, все это видела моя бабушка... Она еще сказала, что было очень страшно... И что вашего сына, Аладдина, ждут и радости и печали.

– Да благословит Аллах все милостивый и милосердный твою бабушку, малыш!

«Замечательное предсказание, – усмехнулась про себя Фатима, – ну кого из мальчишек не ждут в такой долгой жизни радости и разочарования?»

– Спасибо, тетушка Фатима! А хотите, я побегу искать Аладдина и братьев?

– Не надо, Вали. Если они найдут то чудо, о котором говорила твоя бабушка, то вряд ли вернутся быстро. А если не найдут, то к вечеру появятся дома... Голод ведь не тетка.

«Клянусь душой, Аладдин за сотню фарсахов почует запах свежих лепешек с медом!»

И Фатима захлопнула калитку. Тесто было готово, печь прогорела, да и солнце вскоре должно было зайти. Если Аллах смилуется над мальчишками, то вскоре Аладдин должен прибежать домой.

Фатима думала о сыне как о проказливом малыше, хотя Аладдину уже исполнилось семнадцать лет. Отец отдал немало сил, чтобы обучить сына трудному искусству ювелира. Юноша и в самом деле обладал удивительным даром, но пока все же больше времени про-

водил с приятелями, чем за верстаком в мастерской. Почтенный Салах, муж Фатимы, говорил, что он и сам был таким же – пока отец был жив. Когда же нелегкое искусство перешло в его руки, он стал относиться к делу ответственно. А с годами пришло и мастерство.

Мать опасалась, что и Аладдину не дано будет остепениться до тех пор, пока в мастерской заправляет отец.

Хлопок калитки отвлек Фатиму от мыслей.

– Матушка, ты искала меня?

– Да, мой мальчик, я даже выходила на улицу смотреть, куда ты запропастился.

– Я знаю. Мне сказал Вали.

– Ну как, нашли вы клад?

Аладдин отрицательно покачал головой.

– Нет, не нашли. Четно говоря, мы и следов колдуна не нашли.

– Ни одного?

– Ни единой ямы с черной водой... Саид-безумец бормотал что-то о странных тучах, что висели над развалинами... Знаешь, там, у городской стены?

– У городской стены? А, это там, где держит лавку древностей мудрец из страны Мероэ?

– Там. Помнишь, отец еще приносил оттуда такие черные капли смолы, которыми лечил свои раны? А потом ты растворяла эту смолу в теплом молоке и давала мне пить.

– Ну как не помнить тот день! – Фатима усмехнулась, невольно вернувшись мысленно на год назад. – Вы с братьями Вали поспорили, кто больше съест лепешек.

– И я выиграл!

– А потом неделю на еду даже смотреть не мог...

– Но я выиграл!

И в этом был весь Аладдин. Аллах милосердный и всемилостивейший создал этого юношу победителем. Маленький Аладдин не терпел насмешек над собой, а когда вырос, не давал в обиду друзей, обожал выигрывать в спорах и не отступал перед трудностями, если ему чего-то очень хотелось.

«Хорошо, что моему мальчику всегда хочется только хорошего! Что было бы, если бы какой-то злой колдун наслал на него чары, и мой малыш захотел бы воцариться в нашем прекрасном Багдаде? Или взять в жены – о храни Аллах моего Аладдина! – какую-нибудь царевну?»

Фатима от страха даже прикрыла глаза, но потом попеняла себе за глупые мысли.

«Он же еще совсем мальчишка, мой Аладдин! А я уже печалюсь о том, кого он выберет себе в жены... И потом, у мастера-гранильщика Сулеймана растут красавицы дочери. Старшая из них, умница Джамия, и станет женой моего Аладдина – отцы уже давно договорились. А дети перечить не посмеют. Да хранит Аллах наш дом, да ниспошлет он нам долгие годы радости!»

Успокоившись, Фатима достала из печи лепешки. А первую из них сразу отдала сыну – уже много лет первую лепешку всегда получал Аладдин.

– Но знаешь, матушка, Саид-безумец говорил, что сегодня и впрямь необычный день. Пусть бабушка Зейнаб немножко преувеличила и следы колдуна не так просто найти... Но тучи чернее черных и впрямь висели у горизонта! И черную молнию, что била с земли в небеса, я видел. И Саид видел, и Рашид с Рашадом.

– Ну, значит, так оно и было. Не торопись, ешь спокойно.

Еще раз хлопнула калитка. Фатима, не оборачиваясь, проговорила:

– Поспеш, Салах, пока лепешки горячие. Как раз такие, как ты любишь.

– Откуда ты знаешь, что это я?

– О Аллах, как глупы эти мужчины! (Иногда Фатима позволяла себе слегка подразнить мужа.) Ну подумай сам, о муж мой, свет очей моих! Я знаю твою походку вот уже скоро двадцать лет! Твои шаги я отличу от шагов любого другого человека не только в нашем прекрасном Багдаде, а во всем подлунном мире!

– Да благословит Аллах тебя, о моя прекрасная жена!

И отец присел рядом с сыном. Фатима с умилением смотрела, как дружно они уничтожают свежеиспеченные лепешки.

Макама четвертая

Стемнело. Гасли светильники на постоялом дворе, затихал огромный город. Лишь в комнате у магрибинца по-прежнему горел огонь. Из огромного сундука маг все доставал и доставал свой колдовской скарб: книги и свитки, котел и треножник, травы и камни...

Когда же работа была закончена и каждому из таинственных предметов нашлось свое место, колдун, наконец, позволил себе отдохнуть. На черном бархате небосвода сверкали звезды, прохладный ветерок шевелил павлиньими перьями в высоком медном кувшине, оглушительную тишину нарушали лишь трели цикад.

– Надо поторопиться, – проговорил магрибинец. – Через несколько часов звезда Телеат скроется за горизонтом, и я уже не смогу узнать, как мне найти человека Предзнаменования.

Маг поднялся, подошел к бездонному, казалось, сундуку, и извлек из него круглый предмет, завернутый в узорчатый платок. В свете множества горящих свечей краски вспыхнули кровавыми отблесками. Магрибинец бережно развернул шелковые покровы и опустил на тяжелое каменное блюдо... человеческую голову. Глаза ее были закрыты, но тотчас же открылись, стоило лишь шее коснуться отполированного камня.

– Слушаю и повинуюсь, о колдун из колдунов!

Если бы кто-то смог заглянуть в окно, его глазам предстала бы удивительная картина. Стол, накрытый черной шелковой скатертью, был почти пуст – если, конечно, не считать массивного блюда из полупрозрачного обсидиана, на котором уютно устроилась человеческая голова. Маг сидел у стола, пытаясь за ленивой позой спрятать нетерпение, которое снедало его. Везде горели свечи – их было так много, что они своим сиянием могли затмить не только красавицу луну, украшение небосвода, но и само солнце – источник всех радостей и всех бед жителей великого Багдада.

– Скажи мне, о знаток всех тайн мира, правильно ли я выбрал день?

– Ты льстишь своему рабу, колдун, – голова говорила тихо, хрипло. В этом голосе слышались и насмешка, и гнев, и, как ни странно, радость.

– Что значит кроха лести по сравнению с богатством знания?

– Лстец... Не зря же говорил наш учитель, что ты станешь величайшим из магов!

– Пусть так, – довольно улыбнулся маг. – Но наш учитель, да пребудет вовеки память о нем, говорил, что в одной твоей голове знаний больше, чем во всех книгах подлунного мира!

– И поэтому ты решил, что, отнявши голову от тела, тебе будет удобнее пользоваться моими знаниями... – и голова усмехнулась. – Чего же ты хочешь в эту удивительную ночь? Какой сегодня нужен тебе от меня совет?

– Скажи мне, я правильно выбрал день?

– И для этого ты прервал мои размышления... Да, маг из Магриба, ты правильно выбрал день.

– Значит, предсказание звезды Телеат сбудется? Мне предстоит найти человека Предзнаменования?

– Конечно. Я могу тебе открыть и еще одну тайну, впрочем, не особо важную. Ты найдешь этого человека без труда – ибо любой мальчишка на шумном багдадском базаре покажет тебе за даник¹ и лавку мастера Салаха, и лавку книжника Мустафы, где любит просиживать Аладдин, твой человек Предзнаменования.

– Добудет ли этот Аладдин для меня Камень Судьбы?

¹ Даник – мелкая монета, 1/16 дирхема.

– Конечно добудет. Но помни, магрибинец, тебе надо меньше доверять словам. Ты должен видеть суть явлений, а не просто знать их имя. Разве тебе так уж нужен именно Камень Судьбы? Разве тебе недостаточно той чудовищной черной магической силы, какую обрел ты за годы упражнений в этом нелегком искусстве?

– Ты же знаешь, о сосуд мудрости, мне мало одной лишь колдовской силы... Мне нужна вся власть, вся сила, все могущество!

– Тогда, быть может, тебе нужен и Камень Могущества, а не Камень Судьбы?

– О нет, хитрый кладезь знаний! Мне нужен именно Камень Судьбы – камень, дарующий власть и над судьбой – этой изменчивой, насмешливой и неверной дочерью Аллаха всемилостивого!

– Но тогда тебе не нужны более мои советы, и ты теперь будешь в силах сам добыть и Камень, и власть.

– Конечно добуду. И Камень, и власть. Но ты мой должник еще на три десятка лет и три года. Помни, что я даровал тебе десять десятков лет жизни в тот день, когда ты на коленях умолял меня об этом.

– О да, чернейший из колдунов, ты отнял у меня все, оставив лишь это магическое блюдо и воспоминания.

– Но ты же получил десять десятков лет жизни после неминуемой смерти! Как я тебе и обещал. А теперь оставим этот нелепый спор. Говори, как мне найти этого... Аладдина. Или ты хочешь вновь испытать муку невысказанных слов?

– О нет, прошу тебя, гордость Магриба! – Теперь в голосе был слышен небывалый, воистину нечеловеческий ужас. Любой бы понял, какой страшной карой для этого существа была мука безмолвия.

– Говори!

– Поиски человека Предзнаменования ты должен начать завтра, за час до полудня. А завершить их не позднее полуночи – в тот миг, когда звезда Алькор покажется из-за звезды Мицар.

– Что далее? – Лицо магрибинца горело азартом.

– Ты должен переступить порог дома, где живет человек Предзнаменования, не позже следующего полудня. Дары, что ты принесешь семье Аладдина, отдавай лишь матери юноши. Старайся не смотреть в лицо отца. И, молю тебя, опасайся белой козы!

– Козы? Какой козы? Где я могу встретить козу в величественном Багдаде?

– Этого я не знаю, маг. Вижу лишь, что белая коза может нарушить твои честолюбивые планы.

– Благодарю тебя за совет, – магрибинец качнул головой в черной чалме.

Удивительным образом с нее исчезла вся дорожная пыль и грязь. Да и одеяние мага было черно так, словно надели его лишь мгновение назад.

– Советую тебе также держаться в стороне от белых собак, петухов, белых одежд прохожих. Я вижу какую-то опасность, природа которой мне еще неясна.

– Как я должен убедить человека Предзнаменования?

– Этот Аладдин еще очень юн. Тебе не стоит опасаться его – он доверчив и храбр. Да и к тому же мальчик так любит спорить. И выигрывать...

Губы чудо-советчика тронула улыбка, на миг преобразившая это удивительное лицо. Похоже, голова вспомнила какое-то сладостное мгновение из прошлого. Но это чудо продолжалось лишь миг – и вновь суровые складки прорезали чело.

– Тебе надо с ним поспорить. Все равно о чем. Можешь просто спорить, что он не спустится в пещеру Судьбы, побоится. Помни, ты должен его уговорить, но не испугать. Пока мальчик будет тебе доверять – он свернет для тебя горы, принесет не только Камень Судьбы из пещеры, а все камни, что найдет в округе.

– Я запомню это. Что же мне делать после того, как Камень окажется в моих руках?

– Тогда ты вновь спросишь меня, и я скажу тебе, как изменились линии Мироздания.

Пока я не вижу сияющего камня в руках мальчишки. Он должен вынести его на солнце. А там...

И голос умолк.

– Благодарю тебя, долгоживущий Алим!

– Ты мой хозяин, о величайший. А теперь дай мне поразмыслить...

И мудрые глаза закрылись.

Колдун чуть отодвинулся от стола. Уже сейчас он чувствовал у себя за спиной золотые украшения трона царя царей. Веки его смежил сон – лекарь, дарующий спокойствие и силы.

Но не спал долгоживущий Алим. Да, некогда колдун из Магриба был его другом, вместе они учились магии у одних и тех же учителей. Но наступил день, да дарует Аллах всесильный возможность забывать, когда Алим понадобилась помощь Инсара. Так тогда звался тот, кто теперь стал черным магрибским магом. Ценой спасения и стала для Алима жизнь, полная знаний, но страшная в своей обреченности – жизнь говорящей головы на колдовском обсидиановом блюде.

Нет, не всю правду сказал Алим Инсару, не всю. Видел он куда дальше того мига, когда веселый босоногий юноша Аладдин вынесет из пещеры Камень Судьбы. Видел он и старый медный светильник в руках у мальчишки, видел и переменчивую красавицу, прильнувшую в миг страсти к телу магрибского колдуна. Видел он и башню синего огня, что подарит великому Багдаду освобождение. Видел, но решил не говорить Инсару ни о чем. Мудрость подсказывала несчастному Алим, что не услышит голоса истины жадный до славы и власти магрибинец. Забудет об этих словах своего чудо-советчика так же, как забывал уже не один раз. Но не забыл своих советов сам долгоживущий Алим. Не видел он будущее свое светлым, но радовался тому мигу, когда наконец сможет забыться спасительным сном навсегда.

Макама пятая

Обманчивой был тишина ночи в прекрасном дворце халифа Хазима Великого. Казалось, все погружено в покой и безмятежность. Так оно и было – но лишь в покоях самого халифа.

На половине же царевны слышались легкие девичьи шаги. Высоко подняв светильник, служанка из Нубии показывала кому-то дорогу. Вскоре в круге света показался мужчина. Еле слышно девушка произнесла:

– Царевна ждет тебя, толмач!

И опять все стихло.

Темны были покои царевны, тихи. Толмач Никифор остановился в дверях не зная, что ему делать дальше. Юноша всмотрелся во тьму, и сердце его замерло: под поднятым пологом лежала девушка, прекрасней которой на свете не могло быть. Тело ее гладил серебристый лунный луч, волосы тяжелой волной струились вдоль тела.

– Иди же сюда, глупенький! – томный голос царевны заставил сердце толмача биться так громко, что это должны были услышать даже мамлюки, охранявшие внешние стены дворца.

– Как ты прекрасна, о несравненная! Ты, наверное, видение – девушки не бывают так божественно красивы.

– Ну что ты, мальчишка. Я просто красива. Иди же сюда, убедись в том, что я живая и настоящая.

Толмач сделал несколько неуверенных шагов и вновь застыл. Сейчас он казался себе громадным, как скала, и неуклюжим, как слон.

– Ну, иди же сюда, я жду... – Царевна несколько раз хлопнула ладонью по ложу, призывая Никифора.

Будур коснулась его руки. Он напрягся, словно его пронзила безумная, невыносимая боль. Девушка попыталась отстраниться, но он, зарывав, прижал ее к себе так крепко, что она едва могла дышать. И тут он впился в ее губы поцелуем. Этот поцелуй был полон необузданной, неизъяснимой страсти, и Будур поняла, что эта чудовищная страсть кипела в нем, неосознанная, неостребованная, пока чары царевны не разбудили самых низменных желаний. Его язык скользнул к ней в рот. «О, малыш, ты, оказывается, умеешь любить женщину!» – успела подумать царевна. Через мгновение толмач уже лежал рядом с ней, сам еще не осознавая, что с ним происходит.

Будур испугалась. Испугалась блеска его жаждущих глаз и невероятной силы, что жила в его руках. Она уже почти раскаивалась и в том, что обольстила толмача, и в том, что позволила ему переступить порог своей опочивальни. Но было поздно...

Девушка попыталась оттолкнуть его. Она знала, что ему нужно, и уже не хотела позволить ему это сделать. Если сейчас она была ему невыразимо желанна, то утром он будет ее презирать. А вызвать презрение царевна вовсе не стремилась. И все же она не хотела, чтобы такой красивый умелый мальчик выскользнул из ее сетей.

Когда Никифор оторвался от ее губ, чтобы отдышаться, Будур попыталась воспользоваться этой возможностью и заговорила:

– О толмач, ты ведь не хочешь убить меня своей страстью? Остановись...

И царевна посмотрела на грека почти с испугом. Но губы ее тронула такая призывная улыбка, что желание захлестнуло толмача с головой.

– Хочу, хочу. Очень хочу, – он сделал глубокий вдох. – Ты пахнешь цветами. Пусть за это падет на меня вечное проклятье, прекрасная царевна, но я больше не могу лишь смот-

реть на тебя, лишь вожелеть тебя. Теперь мне нужно соединиться с тобой, иначе... О Аллах милосердный, иначе сама жизнь станет мне не нужна!

Его слова сломили сопротивление царевны, в какой-то мере поддельное. Она ведь желала его и потому обольстила. Она... О Аллах, да она и в самом деле желала этого мальчишку! Сейчас ее захлестывали острейшие ощущения – его тело было так близко к ней, грудь прижата к ее груди, а запах его кожи...

Теперь царевну – о великое чудо! – мучили незнакомые ощущения. Никифор медленно потянул к себе тончайшее газовое покрывало, обнажая божественно-прекрасное тело. Хриплый звук сорвался с ее губ, когда он жестом хозяина положил руки на ее бедра и раздвинул ей ноги.

Царевна удивилась огню, который пронзил все ее существо, когда пальцы толмача открыли самую уязвимую часть ее тела. Медленно-медленно он наклонил голову, и, прежде чем девушка поняла, что он собирается делать, она почувствовала его горячее дыхание, дразнящее ее нежную плоть.

– Мальчишка, что...

В то мгновение, когда его губы коснулись ее тела, Будур вскрикнула. От захлестнувших ее ощущений она не могла сдвинуться с места, и его ласки заставили ее выгнуться от невероятного наслаждения. Ее тело горело от вожеления, которого она не знала раньше. Когда толмач провел языком, поднимаясь к сосуду страсти, она застонала. Тогда грек чуть сильнее нажал руками на ее бедра, чтобы остановить царевну. Его язык весьма умело ласкал самые интимные изгибы ее девственно-белого тела.

Наконец волна страсти накрыла царевну с головой, и она начала метаться на подушке, хватаясь руками за его плечи. Она пыталась увернуться из этих удивительно умелых и жестких рук, надеясь прекратить невероятное мучение. Ей казалось, что она, дрожа, стоит на краю пропасти, охваченная наслаждением, от которого прерывалось дыхание.

Неожиданно для самой себя Будур провалилась в темную бездну страсти. Она закричала, не в силах совладать с собой, а ее руки прижали к себе голову юноши. А затем ее тело обмякло, и лишь прерывистое дыхание нарушало сгустившуюся тишину.

– О Аллах! – вымолвила она, когда вновь смогла дышать. – Мальчишка, где ты научился этим ласкам?

– Моя царевна, это только начало. Ты разбудила во мне желания, что спали, быть может, долгие годы. Твое тело так прекрасно и так желанно... Нет силы, что могла бы сейчас оторвать меня от тебя.

Царевна была смущена. О да, она вполне сознательно соблазнила мальчишку. Но сейчас перед ней был искушенный в любовной игре мужчина. И она уже не рада была, что ей пришла в голову идея свести грека с ума. Но не могла же Будур показать, что она боится своего возлюбленного! И потому царевна смело посмотрела Никифору в глаза.

Тот усмехнулся чуть свысока и проговорил:

– Это было только начало, божественно-прекрасная... И помни, ночь тоже только началась...

Он поднялся и одним движением сбросил на пол шелковую рубаху и просторные шаровары.

Будур, как замороженная, смотрела на него. Отлично сложенный – широкие плечи, узкие бедра, сильные ноги и уверенные руки... «Да ему надо только в таком виде и показываться – ни одна женщина не сможет устоять, настолько он красив!» Она смерила грека взглядом с головы до ног. Изумительное зрелище возбужденного прекрасного молодого мужчины вновь зажгло в царевне огонь.

Под взглядом Будур толмач возбудился еще сильнее. Огонь желания пронзал все его существо – от пяток, которые остужали драгоценные каменные плиты, до самых кончи-

ков черных курчавых волос. Он пытался держаться от нее подальше, понимая, какие беды может принести гибельная страсть. Но, увы, вождление, казавшееся обоюдным, было куда сильнее доводов разума. И вот теперь он, грек-толмач, стал хозяином в опочивальне самой царевны Будур. И он не собирался уходить отсюда, не познав это совершенное тело!

– Никифор...

Он взглянул на нее. Глаза Будур вызывающе горели. Необыкновенно красивое тело призывно распростерлось перед ним, и он понял, что мечтает лишь об одном – войти в нее... и стать властелином.

Никифор провел рукой по бедрам и вновь наклонился к ее ногам. Прошелся ладонью от колен вверх, чуть задержавшись на шелковистой коже живота. Вновь спустился вниз, теперь куда более чувственно исследуя нежные горячие изгибы. Он начал ласкать ее пальцами и почувствовал, как она напряглась. Царевна чуть приподнялась на ложе, но он, опустившись рядом, заставил ее лечь. Затем склонил голову и начал посасывать нежный сосок ее груди, покусывая его, щекоча языком, и при этом не прекращая ласкать ее руками. Она тихонько застонала.

Толмач поднял голову и взглянул на царевну, закрывшую глаза от еле сдерживаемой страсти. Она была так красива, что грек не мог найти слов, чтобы описать эту совершенную красоту. И сейчас она принадлежала ему так, как только может женщина принадлежать мужчине. Он слегка придвинулся к ней и прижался к ее бедрам, продолжая целовать груди.

– О царевна! – хрипло прошептал он, чуть приподнялся и наконец медленно соединился с ней.

Он услышал, как она охнула, и подался назад, но ненадолго. Его тело требовало удовлетворения. Он вошел немного глубже. Лишь стиснутые зубы выдавали, насколько тяжело ему сдерживаться и не вести себя, словно дикий зверь. Но когда он почувствовал, как она подалась ему навстречу, то полностью утратил над собой контроль.

Он резко вошел в нее, приостановился и начал двигаться, каждый раз входя все глубже и глубже. Глаза Будур распахнулись. Она готова была бесконечно отдаваться этому удивительному мужчине – властному и нежному одновременно. Пусть это продлится лишь одну ночь, но новые, неземные ощущения запомнятся ей надолго!

Царевна начала двигаться, стараясь приспособиться к его движениям, сначала немного неуклюже, а потом все более уверенно. И вскоре они слились в гармоничном ритме. Эти движения возбуждали их обоих, наполняли пульсирующей страстью. Наслаждение сводило ее с ума, и она дико извивалась под ним, просящая, требующая, вожделеющая.

Она чувствовала, как сила его страсти нарастает в ней, чувствовала мощь его тела, и тут он слегка приподнялся, скользнул вниз рукой, сжав пальцами ее плоть, и тогда жарко-белый огонь, заполонивший все, полностью лишил ее способности контролировать себя. Она услышала стон – он слетел с ее собственных губ. Наслаждение жаркой волной прокатилось по всему телу.

Она дернулась, задрожала, и тут уже закричала по-настоящему. Какой-то частью разума она еще продолжала осознавать, что происходило вокруг. Но сладость страсти была так велика, что Будур в конце концов просто отдалась удивительным ощущениям, подаренным этим, как ей поначалу казалось, робким юношей.

Наконец истома смежила ей веки, но даже сквозь дрему она чувствовала горячее тело толмача за спиной.

Дыхание юноши выровнялось. Он спал, и грезы его были сладки, как ласки, которые всего несколько минут назад он дарил царевне.

Но Будур не спала. О нет, она, проснувшись, размышляла над тем, что только что видели стены опочивальни. Ее тело было довольно, душа спокойна. Но умелый грек теперь уже наскучил ей. Она не жалела, что уговорила отца отпустить его – эта ночь стоила и не

таких уговоров. Но сейчас царевна решила, что завтра попросит отца отправить Никифора вместе с посольством в далекую полуночную страну. Пусть юноша навсегда запомнит эту ночь наслаждений, но навсегда и усвоит, что снизить к простому толмачу дочь великого халифа может лишь раз.

Макама шестая

– Да пребудет над этим благословенным домом милость Аллаха всеильного и всемилостивейшего! – с такими словами переступил магрибинец порог дома мастера Салаха, отца Аладдина.

– Здравствуй, почтенный! Что привело тебя в мой дом?

– Слава, мастер Салах, громкая слава о тебе и тех чудо-безделушках, что творишь ты из золотой проволоки. Даже в самой Басре на базаре говорили мне о том, как они прекрасны. Мастер, что продал мне вот этот перстень, – магрибинец раскрыл ладонь и на ярком солнце засиял синим огнем благородный берилл, – говорил, что обучился этому воистину волшебному искусству, будучи у тебя в подмастерьях.

– Входи, почтеннейший. Входи и дай полюбоваться на дело рук моего ученика.

Магрибинец Инсар и мастер Салах устроились в тени дерева рядом с крошечным ключом, что бил в уютном дворике. Так благословил Аллах всемилостивейший мастера за то, что Салах всегда был предан делу, в котором достиг необыкновенного мастерства, и своей семье, которую и по сей день, уже почти двадцать лет, считал самым большим своим сокровищем.

Салах поднес ближе к зрячему глазу перстень и усмехнулся.

– Да, это работа моего ученика, Али. Значит, он все же научился терпению. Но я вижу, что и обманывать почтенных покупателей он тоже научился. Вот здесь у него и проволока грубее, и шов виден. Но, чтобы заметить это, надо знать, куда смотреть и что искать. Приятно узнать о благополучии своего ученика.

Мастер на минуту задумался, вернувшись мыслями в те дни, когда Али, сын Мариам и франка Николя, чудом прижившегося в шумном Багдаде, был еще совсем мальчишкой, и к тому же не самым усидчивым учеником. Пальцы мастера гладили тончайшее плетение золотых нитей.

Мастер молчал, а магрибинец с интересом оглядывался по сторонам. Любой, кто увидел бы его сейчас, решил бы, что гость просто с любопытством осматривается. И ошибся бы. Магрибину в этом мире уже ничто не было интересно. Не занимали его ни чудеса мира, ни красота его, ни тайны мироздания. Вот и сейчас черный маг Инсар взглядом искал Знаки, которые могли бы ему подсказать, правильно ли он выбрал дом и живет ли человек Предзнаменования под этим кровом.

Повернувшись влево, магрибинец вздрогнул. В загончике у стены меланхолично жевала траву белая коза. «Та ли эта коза, о которой говорил мне сосуд мудрости? Ее ли надо мне опасаться? И почему?» Ответов магрибинец пока не знал, но само животное ведь тоже было Знаком! И потому Инсар-маг удовлетворенно улыбнулся.

Мастер Салах увидел улыбку на лице гостя и улыбнулся в ответ.

– Благодарю тебя за хорошую весть, добрый человек! Красивый перстень. И камень в нем прекрасный! Воистину, такой камень достоин украшать сокровищницу властителя... Или нежную руку красавицы...

Магрибинец с поклоном принял перстень из рук мастера.

– Чего же ты хочешь? Заказать у меня еще одно украшение, в пару этому?

– Мастер Али, твой ученик, да подарит ему Аллах милость на долгие годы, говорил мне, что у тебя растет сын.

– Да, это так.

– Говорил мне мастер Али и то, что ты мечтал сделать сына своим учеником...

Салах пожал плечами:

– Аладдин непоседлив, как все мальчишки. Не многим удастся, как почтенному мастеру Али, часами спокойно высиживать, сплетая проволоочки. Аладдину более по вкусу рассказы о чудесах мира, дальних странах, странствиях. Не зря же он прочитал все книги и свитки в лавке у Мустафы-книжника.

– Вот поэтому я и пришел к тебе. Я собираюсь остаться в прекрасном Багдаде не на один день. И мне нужен смысленный ученик, подмастерье и мальчик на посылках. Я не так богат, чтобы нанимать троих. А твой сын, как говорит весь базар, самый умный юноша из тех, кто ищет свое призвание в этом прекрасном, но жестоком мире... Так говорит весь базар...

Лесть – отличный ключ к любому сердцу. Инсар-маг прекрасно это знал. Не подвел его этот прием и сейчас.

– Да будут благословенны твои слова, о путник! Да, мой мальчик умен, – в голосе Салаха звучала гордость. – Он и решителен, и смел, и очень настойчив. Пожалуй, единственное, чего не хватает моему Аладдину, – это усидчивости. Но она не была свойственна и мне в те дни, когда я был так же юн.

– Да, мастер Салах, усидчивость и терпение приходят к нам вместе с прожитыми годами, – согласно качал черной чалмой маг Инсар.

«Хитрец! – подумал неспящий Алим, незримо присутствовавший при этом разговоре. – А кого дразнили девчонкой? Кто просиживал ночами над свитками в надежде найти эликсир власти? Кого учителя выгоняли из душной комнаты на солнышко?»

Долгоживущий Алим, потеряв тело и возможность странствовать по миру, научился путешествовать одной только силой мысли. Ему дана была способность видеть всех и вся в этом мире и во многих иных мирах. Но предпочитал Алим следить за Инсаром – и из ревности, и из зависти... И еще потому, что отлично видел, какую страшную угрозу таит каждый шаг внешне такого мирного и благообразного магрибинца.

Между тем разговор продолжался.

– Но чего же ты хочешь, гость? Почему пришел ко мне? И чему ты хочешь учить моего сына? – любопытство взяло верх над гостеприимством, и Салах решился задать прямой вопрос.

– Что ж, мастер Салах, я тебе все расскажу. Ты уже слышал – мне нужен ученик. Ученик именно такой, как твой сын Аладдин. Такой же смелый, решительный. Но при этом разумный, любящий истории о странствиях и чудесах.

– Ты собираешься в странствие? – перебил гостя мастер. – Мой сын не поедет с тобой!

– О нет, мастер. Совсем наоборот. Я собираюсь осесть в прекрасном и шумном Багдаде, куда привела меня судьба. Аллах всемогущий даровал мне знания, много знаний. Я могу толковать сны, варить мази и притирания, я вижу ход судьбы и знаю власть времени... В великом Магрибе, да будет имя этой страны благословенно во веки веков, меня, названного матушкой Инсаром, считали магом. Мне нужен ученик – способный парнишка, знающий все улицы и закоулки города, сообразительный, ловкий, но при этом умеющий держать язык за зубами. И если твой ученик Али, да хранит его великий Аллах, говорил правду, и ты не собираешься обучать сына своему непростому ремеслу, разреши мне взять его в ученики!

– О Аллах милосердный и всемогущий! Прости, гость, что перебил тебя не дослушав. Конечно, ты можешь взять моего сына к себе в ученики. Я действительно не собираюсь, более того, я не хочу учить сына своему ремеслу. Для таких неусидчивых и торопливых мальчишек, как Аладдин, кипящее золото может стать убийцей...

Инсар наклонил голову, лишь на миг задержав взгляд на черной повязке, закрывающей выжженный глаз Салаха.

– Ты правильно посмотрел, путник. Даже меня, человека опытного и куда более осторожного, не пощадил Аллах. Зато теперь я хорошо знаю, что золото убивает и калечит не хуже иного неверного.

Инсар приложил ладонь к сердцу и поклонился. «Пусть этот кривоглазый думает, что я сочувствую его беде!»

– Что ж, гость из далекой страны, я согласен, чтобы ты взял в ученики моего сына. Конечно, если на это согласен он сам. Ты уже разговаривал с Аладдином?

– О нет, мастер Салах. Я решил, что мудро будет сначала поговорить с отцом, узнать, что думает он о жизненном пути собственного сына. Мальчишки порой соглашались на самые рискованные приключения, не раздумывая, да и не спрашивая совета у старших. Теперь же моя душа чиста – ты сам разрешил мне обучить твоего сына моему необычному ремеслу. Значит, пришло время поговорить с Аладдином.

Мастер Салах молча поклонился в ответ на учтивые слова магрибинца.

Что-то в речах этого странного человека во всем черном, в его поведении, даже в том, как он оглядывался по сторонам, настораживало мастера. Он уже почти готов был отказать просителю, но решил, что сказать «нет» он всегда успеет. А если это судьба? Если мальчишке и в самом деле на роду написано стать великим магом? Или великим ученым? Что, если отказом мастер Салах преградит сыну путь и к большой учености, и к всеобщему уважению?

Салах и магрибинец молчали, думая каждый о своем. И в этот миг хлопнула калитка. Аладдин, как всегда взбудораженный, вбежал во дворик.

– Матушка, отец! Говорят, на нашем базаре объявился великий колдун! Он дышит пламенем, летает над толпой, в его мешке шевелится гигантская змея! Я даже видел голову этого чудовища!

«О ком толкует мальчишка, Алим? – безмолвно спросил у своего чудо-советчика магрибинец. – Кто смеет летать над толпой?»

«Не бойся, Инсар-маг. Этот человек не станет твоим соперником. Это всего лишь факир из далекого княжества».

«Ничтожный, у меня нет и не может быть соперников. Я великий маг!»

«Конечно, Инсар, ты великий маг. Но почему ты спросил об этом ничтожном фокуснике? Боишься, что он первым найдет Камень?»

«Я ничего не боюсь, червяк!»

Алим, который видел все, что происходило сейчас в доме мастера Салаха, не мог не залюбоваться Аладдином. Вернее, его порадовал тот восторг, который вызвало появление факира-шарлатана.

«А ведь мальчишка и вправду может стать отличным учеником мага. И из него должен выйти толк! Жаль только, что никто не собирается учить Аладдина. Но посмотрим, что будет дальше. Почему перед моим внутренним взором все время возникает старая медная лампа? Старая медная лампа в руках у Аладдина...»

Мастер Салах неторопливо встал с ковра.

– Вот, чужеземец, это мой сын Аладдин. Я согласен, чтобы ты взял его в ученики.

– Осталось только, почтенный мастер, чтобы на это согласился сам Аладдин, – теплым бархатным тоном произнес магрибинец.

– В ученики? Отец, но почему я должен идти к кому-то в ученики? Разве не ты будешь моим учителем? Разве не стану я мастером золотых дел?

– О нет, сын мой, ты же знаешь, мое решение твердо: ты не будешь мастером-ювелиром! Наш почтенный гость, благородный Инсар, да продлит Аллах его жизнь на тысячу жизней, решил обосноваться в нашем прекрасном городе. Он врачеватель, маг и толкователь снов. Ему нужен ученик, не боящийся ничего в этом мире и желающий обрести все знания, какие учитель готов ему передать.

– Врачеватель, батюшка? Толкователь снов?

– Да, толкователь снов! Наш почтенный гость обошел полмира, выучил множество наречий, его знают везде. А теперь он хочет обосноваться здесь. И ты, с твоей неумной жаждой знаний и любовью к необыкновенному, будешь ему замечательным учеником!

– Повинуюсь, батюшка!

«Откуда мастер знает все это? Неужели я что-то пропустил из их разговора? – подумал Алим. – Или Инсар сумел внушить уважение к себе? И почему так печален юноша?»

– Почему ты опечален, мой ученик? – голос Инсара-мага стал еще теплее.

– Я не опечален, гость. Я озадачен. И мне нужно обдумать все то, что я сейчас узнал.

– Пойдем, мой мальчик. Я хочу, чтобы ты проводил меня до моего жилища. Так ты узнаешь дорогу и сможешь задать мне любые вопросы, которые только придут к тебе в голову.

– И ты дашь на них ответ, учитель?

– Конечно! Если буду знать ответ – обязательно.

– Ну что ж, учитель, тогда пойдем! Быть может, тебе понадобится сделать какие-то покупки. Говори, я знаю на нашем щедром базаре всех! Мы найдем все необходимое для твоего нелегкого ремесла, и при этом самое лучшее и самое дешевое.

Магрибинец, поклонившись, неторопливо вышел на шумную улицу. Следом за ним поспешил и Аладдин. А мастер Салах остался во дворе, удивляясь и внезапному послушанию сына и той тревоге, что теперь еще сильнее терзала его сердце.

Макама седьмая

Первым заговорил, как это ни странно, магрибинец. Его уже сжигало нетерпение, но пока он еще мог этому противиться. Он знал, что вот-вот обретет Камень Судьбы. Ведь не зря же ему показалась белая коза (пусть о ней со страхом говорил сосуд мудрости), и звезда Телеат, смиростивившись, подсказала ему имя человека Предзнаменования. Да и сам человек Предзнаменования, вернее, мальчишка, уже найден. И более того, Инсару-магу удалось уговорить его пойти к нему в ученики. В этот, последний, раз все складывалось благополучно. К тому же наступало время, предсказанное многими магами и звездочетами мира – время парада планет. Следующие несколько вечеров будут скрыты от всевидящего глаза Аллаха. Так, во всяком случае, уверяли его учителя в Магрибе. Это будет время, когда силы черные смогут бороться с силами светлыми, и бороться на равных. А значит, близко время, когда Предначертанное может свершиться.

«Вот поэтому была ко мне милостива звезда Телеат! Но где же искать Камень Судьбы? Не на базаре же...»

– Скажи мне, мальчик, знакомы ли тебе холмы там, на полудне, за городской стеной?

– Конечно, учитель. Только это не холмы. Говорят, много столетий назад там были каменоломни. Потом о них забыли, земля провалилась. А потом ветра времени сровняли пески пустыни и скрыли подземелья.

– Каменоломни! Конечно! Это могут быть только каменоломни!

– Что, учитель? Почему это могут быть только каменоломни?

Оказывается, магрибинец произнес последние слова вслух. Произнес – и сам не заметил этого.

– Знай же, ученик, что в далеком Магрибе обучался я азам божественной науки, науки о звездах, – начал свой рассказ магрибинец. – В библиотеке нашего учителя, да ниспошлет ему Аллах долгие годы мудрости, я нашел удивительный свиток. В свитке этом рассказывалось вот о чем: за стеной далекого и прекрасного города, что стоит на великой реке Тигр в двух днях пути от прекрасного теплого моря, лежат заброшенные каменоломни. Были когда-то эти каменоломни не обычными: добывали там не только камни для домов и мечетей, но и камни, что меняли историю людей и стран...

Магрибинец решил рассказать Аладдину почти всю правду. Вернее, часть правды – ту, что более всего похожа на волшебную сказку и не испугает юношу.

– Волшебные камни, учитель?

– Да, мальчик мой, волшебные камни. Говорят, что в те немыслимо далекие годы человек, взяв в руки такой камень, мог стать бесконечно богатым, необыкновенно мудрым, почти всемогущим. Свиток тот и поведал мне, как найти подобный камень и отличить его от любого другого...

– А как?

– О-о-о, юноша, это целая наука. Там было написано, что камни эти светятся в кромешной тьме... А если их тронет человек, которому этот камень предназначен, вокруг раздастся многоголосое пение. Тот, кто такое пение услышит, сразу поймет, что предназначено ему судьбой. И вот сейчас, когда ты рассказал мне, что эти холмы – заброшенные каменоломни, я вспомнил о том свитке, вспомнил ту старую историю.

– А почему ты спросил о холмах? Ну, тех, которые не холмы, а старые обрушившиеся ходы?

– Я думал, о мой любопытный ученик, что среди этих холмов можно будет разбить лагерь на несколько дней и наблюдать за звездами. Говорят, что лучше всего они видны именно с полуденной стороны вашего города.

– Лагерь, учитель? – в голосе Аладдина звучал мальчишеский восторг. – Мы будем всю ночь смотреть на звезды? Считать их? А ты научишь меня различать созвездия?

– О, мой ученик, да ты любопытен! Но, говорят, ты перечитал все книги и свитки в лавке книжника Мустафы. Разве там не было книг о светилах?

– Были, учитель. Это были свитки, привезенные дедом нашего Мустафы, великим путешественником и книжником, из некогда великой Кордовы, свет знаний которой освещает весь мир, что лежит пред глазами Аллаха всемилостивейшего и милосердного. Но это были только книги. А городские огни мешают толком рассмотреть удивительные узоры, в которые слагаются строки небесной летописи...

– Ну что ж, я научу тебя читать по звездам, ученик. Но не сейчас. В этот тихий вечер нам с тобой надо решить, с чего мы начнем обучение. И что будет твоим первым уроком.

– А давай начнем с этого! Ну, со звезд. Ведь только-только стемнело. До полуночной стражи времени еще много. Давай прямо сейчас выйдем за полуденные ворота и посмотрим на небо!

Аладдин разве что не подпрыгивал от нетерпения – так его зажег немногословный рассказ магрибинца. А может быть, нетерпение, что сжигало душу Инсара-мага, передалось и юноше.

– Но до полуденных ворот так далеко! А я сегодня целый день был в пути и очень устал.

– До полуденных ворот совсем недалеко. Я знаю самую короткую дорогу!

Магрибинец кивнул, соглашаясь.

– Пойдем, ученик. Нам ведь все равно надо будет выбрать место для будущего лагеря.

Аладдин не слышал последних слов мага. Он уже отошел на несколько шагов вперед.

Оглянувшись, он воскликнул:

– Ну что же ты медлишь, учитель? До полуденных ворот рукой подать!

И магрибинец поспешил вслед за учеником.

Темнело. Светлая чалма Аладдина мелькала уже возле городской стены. Мимо прошли две девушки-иноземки, укутанные в богатые накидки.

– Что здесь делают девушки? Да еще ночью?

– Наверное, это женщины франков... Или еще какие-нибудь иноземные гости. Видишь же, учитель, они идут сами, смело.

– Им некого бояться?

– Конечно, учитель. Ведь ты же решил поселиться в Багдаде, городе мудрости и терпимости. Наш халиф привечает всех, любому дает кров и никого не обделяет вниманием. Каждый у нас в городе волен поступать так, как ему велят его обычаи. Если, конечно, это не оскорбляет чувств и обычаев других людей.

– Но ведь женщины, которые ходят вечером по улице, да еще и с открытыми лицами – это не в обычаях вашего города.

– Это их обычаи. И не нам навязывать иноверцам наши нравы.

Аладдин вытянул вперед руку.

– Смотри, учитель! Вон там каменная лестница. Говорят, она появилась в городе самой первой! Слышишь, шумит река? Вскоре мы перейдем ее по мосту. И сразу за мостом будут полуденные ворота города. А вот и стража!

Городская стража удивила магрибинца. Он ожидал увидеть рослых мамлюков – иноземцев на службе у халифа. Но мимо прошли двое мужчин в летах. Они мирно беседовали. Казалось, они ни на что не обращают внимания.

– Странные у вас стражники! Старики... Да к тому же безоружные.

– О нет, они вовсе не безоружны. Да, они не носят копья или мечи, но руки их сильны, а мастерство духа и тела столь велико, что никчемные палки и дубины им ни к чему. А то,

что наши стражники немолоды... Есть среди них и молодые. Те несут караул обычно ближе к дворцу халифа.

– Странные порядки.

– Разумные, проверенные. Не удивляйся, учитель. Город наш древний, древние и его традиции. А правила, по которым действует городская стража, куда древнее нашего Багдада, да хранит его милостью своей Аллах всемогущий!

Магрибинец предпочел промолчать. Теперь, когда до каменоломен было рукой подать, следовало все сносить терпеливо. И не желать всемогущества большего, чем у бога. Он знал: придет еще и его черед, черед Инсара-мага!

– Смотри, учитель, вот и полуденные ворота! Их закрывают в тот час, когда звезда Телеат уходит с небес в свои чертоги, а Небесный Всадник взбирается в зенит.

Полуденные ворота города смотрели на бесконечную цепь холмов.

«Где-то здесь она, пещера Предзнаменования. Но как найти ее среди других пещер?»

– Идем учитель, я тебе покажу. Здесь рядом есть вход в каменоломни, правда, он почти обвалился, но можно проползти на четвереньках. И там огромный зал. Настоящая пещера!

И вдруг холмы вокруг запели на разные голоса: «Пещера... пещера... пещера...»

– Какое странное эхо, правда, учитель?

– Правда, мой мальчик. Я раньше никогда такого не слышал.

И опять Инсар-маг сказал только половину правды. Он действительно никогда такого не слышал, но сразу понял, что значит этот странный хор. Впереди лежала пещера Предзнаменования. И теперь он знал, куда идти.

– Ну что ж, Аладдин, мой ученик, води меня к той пещере!

Макама восьмая

Видно было, что Аладдин прекрасно знает и путь к пещере, и все закоулки полуобрушившихся ходов. Магрибинец решил не прибегать к магии без крайней нужды. Кто знает, что станет с Камнем, если он попытается использовать боевое заклинание черных магов. Быть может, Камень скроется под обвалом и путь к нему будет отрезан навсегда?

Поэтому Инсар-маг просто следовал за своим юным проводником, ни на шаг, впрочем, не отставая. Согнувшись в три погибели, но все же не опустившись на четвереньки, добрались путники и до той самой пещеры.

Как Аладдин и говорил, это была старая выработка. Но своды ее были так внушительны, что даже свет факелов, разожженных магической силой магрибинца, не мог рассеять тьму. Он лишь отодвинул ее к углам и стенам. Но где же здесь искать Камень Судьбы?

Инсар-маг несколько минут стоял посреди этого каменного чуда, ошеломленный открывшимся зрелищем. Как это было не похоже на то, что описывали старинные манускрипты! И где тот ход, что освещает старая медная лампа?

Маг поднял вверх руки, чтобы вобрать в себя силу камня, которая помогла бы ему открыть тайну. Черные рукава скользнули к плечам, и Аладдин с ужасом увидел, что руки мага черны так же, как и его одеяние.

«Но ведь магрибинец не чернокожий раб! Что же у него с руками?»

– О учитель, – вполголоса проговорил Аладдин, – что у тебя с руками?

– Не бойся, мальчик, это просто результат одного давнего спора. Вернее, некогда я прибегнул к заклинанию, которое вызывает самого Иблиса Проклятого. Тот явился, исполнил мою волю, но оставил вот такое напоминание о себе.

– Для чего же, учитель?

– Для того, чтобы я никогда не забывал о тяжести слова и принятого решения. И еще о том, что желания мага исполняются всегда, но не всегда это приносит магу пользу... Не отвлекай меня, ученик.

Аладдин поклонился и отошел в сторону. Он еще по пути сюда удивился тому, как легко магрибинец согласился отправиться в каменоломни. Похоже, его учитель знал об окрестностях города намного больше, чем говорил. И похоже, ему Аладдину, суждена какая-то необыкновенная участь. Не участь простого ученика, вынужденного годами корпеть над свитками и искать вместе с учителем эликсиры.

Магрибинец тем временем обходил пещеру по кругу, пытаясь найти еще один ход. Факел, вернее, пламя, схожее с пламенем лампы, он разжег прямо в своей раскрытой ладони. И это было так страшно, что Аладдин, взглянув лишь раз, отвернулся и стал смотреть на камни у себя под ногами. Неверный свет факела в руке учителя плясал на срезам и углах. Когда-то отсюда вырезали огромные каменные блоки для стен прекрасного Багдада. Рассказывали, что каменоломни были так богаты, что камень везли по всему подлунному миру. Мустафа-книжник говорил, что именно из камня этих каменоломен сложена терраса великого Баальбека. И что чудовищные каменные идолы, украшающие всю черную страну Кемет, тоже сделаны из этого камня.

Аладдин уходил в пещеру дальше и дальше, но она все не кончалась. Юноша оглянулся на магрибинца. Отсюда тот казался совсем маленьким...

«Ну что ж, когда я еще окажусь здесь? Ни Саид-безумец, ни Рашид с Рашадом не решатся спуститься сюда даже днем».

Пещера тем временем превратилась в коридор, впрочем, достаточно высокий, чтобы идти, выпрямившись в полный рост. Стены по бокам серели в свете факела.

– Учитель, я нашел коридор. Быть может, он выведет нас отсюда?

Магрибинец обернулся на голос мальчишки. «Ну конечно, я должен был просто стоять на месте и ждать, пока человек Предзнаменования найдет нужный ход!»

– Я вижу, мальчик мой, – проговорил маг, догоняя Аладдина.

– Странный какой-то коридор. Смотри, учитель, свет факела отражается от стен так, будто они сложены не из камня, а сделаны из зеркал... Смотри, вот ты, а вот я... Вот твоя черная чалма, а вот моя рука тянется к стене...

– Нет! – в ужасе закричал магрибинец. – Не касайся стен!

– Но почему, учитель? Это же просто камень! Вот смотри, я подхожу к стене.

И Аладдин положил ладонь на блестящую поверхность. Магрибинец застыл, словно и сам окаменел. Ему показалось, что вдоль коридора прошелестел ветерок. Так удовлетворенно умеет вздыхать насытившийся лев.

Но юноша, как ни в чем не бывало, несколько раз хлопнул раскрытой ладонью по стене и вновь пошел по коридору вперед. Только на стене в том месте, где касалась ее человеческая ладонь, остались черные отпечатки пятерни.

«Да, это он, человек Предзнаменования! И мы уже близко!»

– Смотри, учитель! Какая красота! Какое удивительное сияние!

Аладдин осматривался в еще одной пещере. Эта была намного меньше предыдущей. Стены ее, как и коридор, сияли зеркальными бликами. Пол был усеян камнями странной формы. Один напоминал огромное яйцо, другой был похож на ограненный алмаз, третий – на гигантскую шишку ливанского кедра, которую Аладдин вчера видел в лавке у Мустафы. У стены, словно сложенный человеческими руками, высился постамент. А на нем... На нем горела старая медная лампа. Огонь был невысоким, ослепительно голубым. Свет его играл на камнях под ногами и отражался мириадами неверных бликов на стенах.

– Где мы, учитель? Что это за место?

– Это пещера Предзнаменования... И она куда прекраснее, чем я мог себе представить. Не зря же в воспоминаниях ее всегда описывают похожей на дворец... Такой ее помнят великие маги... Такой ее увидел Сулейман-ибн-Дауд, мир с ними обоими! И теперь она лежит передо мной!

– Так значит, ты с самого начала знал, куда мы идем?!

– О нет, мальчик, я всего лишь догадывался.

– Но почему же ты мне ничего не рассказал? Я же твой ученик!

– Я же сказал, мальчишка, я всего лишь догадывался. Никто в целом мире, даже Аллах все милостивый, не мог предугадать, что ты сделаешь в следующий миг. Ведь это *ты* рассказал мне о каменоломнях, *ты* уговорил меня выйти за городскую стену сегодня ночью, *ты* провел меня по коридору Отражений и привел сюда...

– Да, маг, это так. Но что же мы будем делать теперь? Ты будешь меня учить?

– Не сразу, мальчик, не сразу. Для того чтобы начать обучение, я должен знать, к каким знаниям более склонна твоя душа. А для этого мне нужен знак. Тот знак, который может дать только Камень Знаний.

Магрибинец плел сеть лжи в надежде, что проснувшиеся подозрения Аладдина снова уснут. Мальчишка, казалось, успокоился и с интересом слушал Инсара-мага.

– Вот скажи мне, ученик, что напоминает тебе камень под ногами? Вон тот, у стены? Аладдин бросил только один взгляд.

– Он похож на горшок для супа.

– А вот этот, темно-серый?

– На свернувшуюся кошку.

– А вот этот?

Внезапно взгляд Аладдина зажегся восторгом.

– Смотри, учитель, вон там, слева от постамента, самый странный камень, какой я только видел!

Камень и в самом деле был необыкновенен. Более всего он напоминал каменного ежа. На гранях сросшихся кристаллов играл сиреневый свет, в глубине вспыхивали синие искры. Не успел магрибинец произнести еще хоть слово, как Аладдин уже поднял это чудо и стал вертеть его в руках. От прикосновений пальцев по камню пробегали странные огни. Камень словно беззвучно пел.

– Он теплый!..

– Мальчик, дай мне это чудо! Я тоже хочу рассмотреть его.

Аладдин без слов передал магрибинцу огромный кристалл. В руках мага камень заиграл совсем другими цветами. Теперь красные и оранжевые искры, словно клочки пламени, пробегали по его граням. Камень и в самом деле был теплым на ощупь, а грани его не резали кожу.

Аладдин бродил по пещере, приближаясь к постаменту с необычным светильником. Он старался не смотреть на этот колдовской огонь, старательно разглядывая камни у себя под ногами. Но каждый раз, поднимая глаза, он несколько долгих мгновений не мог отвести их от сияния неведомого пламени.

Наконец юноша не выдержал и подошел к лампе совсем близко.

– Смотри, учитель, какой странный огонь. Я подошел совсем близко, но не ощущаю жара. Словно блики солнца на воде... Я могу даже коснуться лампы...

– НЕТ!!! Не смей трогать лампу, мальчишка!

Ужас магрибинца, отражаясь от стен, казалось, должен был согнуть мальчика. Но тот лишь недоуменно посмотрел на мага. И в этот миг ладонь его легла на медный бок лампы.

Инсар-маг услышал еще один глубокий удовлетворенный вздох. В свете, что по-прежнему лился из лампы, появился золотой блеск. А блики на стенах стали похожи на солнечных зайчиков. Аладдин взял лампу в руки и принялся с интересом ее рассматривать.

– Вот это настоящее чудо, учитель! Посмотри, как она прекрасна!

– Негодный мальчишка! Я же приказал тебе не трогать лампу! Ты должен был только поднять для меня Камень Судьбы. Больше ты ни для чего мне не нужен, червяк!

– Что с тобой, учитель? Почему ты так кричишь?

– «Учитель»!.. Я не твой учитель, и никогда не собирался никого учить.

– Но ты же сам пришел к моему отцу!

– Мне нужно было только одно – чтобы ты привел меня сюда, в пещеру Предзнаменования, и поднял для меня Камень Судьбы.

– И все?

– Ну конечно, глупец из глупцов! Стал бы тратить на тебя время и силы самый могущественный из магов, если бы мог сделать это сам! Ты просто человек Предзнаменования – крошечный винтик в машине Мироздания, которую я запустил своей магической силой! Поставь на место лампу, паршивец, и немедленно убирайся отсюда!

– А если я расскажу все гулям-дари, главному телохранителю халифа?

– Да кто будет слушать тебя, ничтожный! Мало ли что может привидеться мальчишке в пустыне? Но, впрочем, ты навел меня на мудрую мысль!

И магрибинец, положив камень на пол пещеры, начал произносить заклинание.

Но Аладдин не стал ждать, пока магрибинец дочитает его до конца. Он уже бежал по коридору. Бежал изо всех сил, бежал так, будто за ним гнался сам Иблис Проклятый, намереваясь и его руки превратить в такие же черные, иссушенные жаром плети, как у мага.

Вот наконец и узкий лаз... Вот показались холмы...

Аладдин вбежал в ворота города за миг до того, как ночная стража закрыла их.

– От кого ты убегаешь, озорник?

– О мудрый начальник ночной стражи! – как все мальчишки великого Багдада, Аладдин умел льстить и лебезить с самого первого дня, когда начал гулять по городу сам, без взрослых. – Там, среди холмов, какой-то черный человек! У него в руках невиданный посох! Он кричит и грозит, что перебьет весь город.

И приукрашивать правду Аладдин тоже умел отлично.

– Посох, говоришь... – задумчиво проговорил начальник ночной стражи. – А вот что в руках у тебя?

– Это просто старая медная лампа, о почтеннейший. Я поднял ее сразу за воротами. Наверное, кто-то обронил ее, когда выезжал из нашего прекрасного города. Если хотите, я отдам ее вам.

– Действительно, старая лампа. Оставь ее себе, мальчишка. Мне не нужно старье.

И Аладдин со всех ног бросился домой по хорошо известной ему дороге. Он бежал и чувствовал взгляд черных глаз, что впивался ему в спину между лопатками.

«Нельзя рассказывать об этом ни отцу, ни маме! Они не поверят мне. Но что же сказать им?»

Вот, наконец, и калитка родного дома. И в этот момент пришло озарение.

– Аладдин, мальчик мой, что с тобой? Почему ты такой грязный? Где твой учитель?

– Ох, матушка! На нас напали разбойники! Учителя увезли на старой арбе, а меня выбросили на дорогу.

– Разбойники? В нашем спокойном городе?

– Нет, отец! Учитель вывел меня через полуночные ворота, начал показывать звезды, а тут они... Их было не меньше сотни...

– Не меньше сотни, говоришь? Тогда об этом должен узнать гулям-дари! Завтра же на рассвете я пойду к нему! А ты сиди дома, путешественник, и ни ногой за ворота!

– Да, отец. – Сейчас повинование отцу доставило Аладдину огромное наслаждение.

– И учителя твоего надо спасти! Так через какие ворота вы выходили?

И тут Аладдин понял, что заврался. Вбегал-то он через ворота полуденные. И его наверняка запомнил начальник ночной стражи. А потому юноша промолчал, нарочито внимательно разглядывая старую лампу.

Но отец не ждал ответа.

Тишина вновь поселилась в тихом дворике. Отец, глубоко задумавшись, смотрел в черное небо. И Аладдин на цыпочках отправился к себе, чтобы вновь пережить миг прикосновения к чуду и забыть ужас, который гнал его по зеркальному коридору.

Макама девятая

Царевна Будур ждала темноты. Весь сегодняшний день она предвкушала, как вечером отправится на прогулку. На прогулку из тех, о которых отцу, да продлит Аллах всемилостивый его годы без счета, лучше не знать. Будур собиралась пойти погулять по вечернему Багдаду. Не раз уже она надевала иноземное платье и вместе со служанкой покидала дворец. И сейчас, присев у окна и укладывая длинные черные, как у бабушки, волосы в затейливую прическу, вспомнила, как вышла за пределы дворца в первый раз.

Стоял жаркий вечер. Царевна, как и сейчас, сидела у окна и любовалась городом, который солнце окрасило во все оттенки пурпура и розы. Удивительная грозная красота, на миг открывшаяся Будур, словно влекла за собой. Туда, вниз, на городские улицы. Те самые улицы, которые царевна раньше видела только из-за занавесей своей повозки.

– Сафия, подай мне платье, что к празднику привезли мне ромейские купцы!

Будур решила, наконец, своими глазами увидеть всю красоту великого города.

– Но, госпожа, уже закат... Вскоре тебя ждет вечернее омовение.

– Сафия, дурочка, ты решила мне перечить? – в голосе царевны стало так много меда, что только глухой не услышал бы угрозу.

Сафия глухой не была. Да и глупой, к слову, тоже. Она прекрасно понимала, что задумала царевна.

– О нет, прекрасная царевна! – служанка заговорила чуть тише. – Я просто хотела заметить, что переодеваться в иноземное платье разумнее было бы после омовения. Ведь ты же его надеваешь не для того, чтобы покрасоваться перед стенами опочивальни?

– О чем ты? – царевна с интересом посмотрела на девушку.

«Да она не дурочка... Оказывается, в далеких странах тоже есть люди, желающие большего, чем дарит им судьба!»

– Позволит ли мне говорить великая царевна? – Сафия потупилась, но голос ее звучал достаточно твердо.

– Говори!

– В моей далекой стране, да хранит ее Аллах всемилостивый и милосердный, девушки не закрывают лиц, они любят наряжаться. А вот такое платье, как то, что привезли великой царевне ромейские купцы, в нашей стране надевают на праздник... В этот день народ гуляет на улицах всю ночь. Девушки, собравшись в кружок, поют песни. А парни тайком выбирают себе невесту.

– Но разве не родители в вашей стране находят девушкам мужей?

– Нет, великая царевна, так бывает не всегда. Иногда, если семейства богаты или отцы семейств дружат, они могут сговориться, что их дети, когда вырастут, станут мужем и женой. Но так бывает не всегда. Иногда достаточно одного горячего взгляда, что бросит купец на девушку поверх вороха лент, – и все... Он уже знает, что вот эта ясноокая – его суженая.

Сафия замолчала. Видно было, что она вспомнила о чем-то далеком.

«Какой необыкновенный вечер, – думала меж тем Будур, – кажется, я нашла замечательную спутницу для своих шалостей. Эта маленькая птичка знает куда больше, чем я думала. Она мне подойдет!»

– Как интересно! А скажи, Сафия, ведь ты говорила о себе? Это на тебя бросил жаркий взгляд купец из-за вороха цветных лент?

– Да, моя госпожа, Я говорила о себе. В те дни меня звали не Сафия, а София, и я из богатого рода. Но отец мой и его отец, и отец его отца сделались людьми зажиточными и уважаемыми не благодаря купеческому занятию. Прадед моего прадеда был первым в нашем роду путешественником. Именно он и положил начало достойнейшей из тра-

диций нашей семьи: наследник рода должен был совершить путешествие в далекие страны. Чаще всего мои предки путешествовали с купеческими караванами или на купеческих судах. Но искали они не наживы, а знаний, нового, чего еще никто не знал или забыл так давно, что и песок воспоминаний протек через пальцы...

– Красиво. И ты принадлежишь к этому роду?

– Да, моя царевна. Отец назвал меня София, что значит «мудрость». Он надеялся, что мне удастся собрать все знания, накопленные многими поколениями предков. Но вышло иначе.

– Расскажи, расскажи мне немедленно! – глаза царевны загорелись в предвкушении красивой сказки.

– Это печальная история. Быть может, я расскажу ее позже. А пока, царевна, скажу лишь, что я убежала из отчего дома с тем самым купцом. Но счастье наше было недолгим. Совсем недолгим. Не прошло и десяти дней, как на наш корабль, что подходил уже к прекрасному Золотому Рогу, воротам в великий город, напали разбойники. Моего купца убили, а меня пленили и вскоре продали на невольничьем рынке. Я и по сей день благодарю Аллаха всемилостивейшего за то, что купили меня смотрители гарема великого халифа, твоего отца, госпожа. Ведь я могла попасть в руки какого-нибудь старца или старухи и... – Сафия содрогнулась.

Будур совершенно новыми глазами посмотрела на свою служанку. Эта девушка с волосами цвета осенней листвы, светлоглазая и светлокожая, оказалась далеко не так проста. Царевна думала, что послушание – единственное достоинство этой молчаливицы, но оказалось, что Сафия знает и видела куда больше, чем сама Будур. И, значит, окажется незаменимой советчицей и спутницей в проделках, о каких царевна пока могла только мечтать.

«Сам Аллах послал мне тебя, малышка Сафия!»

– Так, говоришь, это платье надо надевать после омовения... – задумчиво произнесла царевна.

– Да, моя госпожа. А волосы забрать повыше и украсить вот этим шарфом, что весь расшит золотом. Пусть лишь одна прядь выглядывает вот здесь, у виска. Смотри, вот так...

Под умелыми руками служанки волосы легли в затейливую прическу и, даже окутанные длинным шарфом, поражали своей красотой.

– Ты прекрасна, госпожа... У меня на родине за тобой бы бегали все парни города. Женихи бы выстраивались в очередь у ворот твоего дома.

– А что еще было бы на твоей родине? Как девушки проводят вечера?

– Когда наступают холода, царевна, девушки собираются вместе. Они сидят, поют песни, читают вслух книги, ну, или рассказывают страшные истории, – тут голос Сафии дрогнул, и царевна заметила усмешку на лице всегда спокойной служанки.

– Страшные истории?

– Да, госпожа. О волках-оборотнях, что днем кажутся пригожими парнями, а ночью превращаются в чудовищ. Или о кровавых следах на снегу, что путешествуют сами по себе...

– А что такое «снег»?

Теперь служанка посмотрела на госпожу с удивлением.

– Ты не знаешь этого?

– Помню, когда я была совсем маленькой, бабушка, прекрасная принцесса из далекой страны Канагава, царица страны Ай-Гайюра, рассказывала мне, что у нее на родине бывает очень холодно и на землю падают белые холодные хлопья...

– Да, это и есть снег. На моей родине холода долгие, снег успевает укрыть белой пеленой все вокруг на многие недели...

– Ты расскажешь мне и об этом! Но позже. А сейчас скажи, хотела бы ты прогуляться по городу?

– О чем ты, великая царица?

– Ты прекрасно знаешь, о чем. Ведь поняла же ты, что я приказала принести иноземное платье, чтобы тайком от стражи и моего отца уйти в Багдад. А теперь я спрашиваю тебя, хотела бы ты прогуляться со мной, стать моей спутницей?

– Да, госпожа. Я давно это поняла. Но...

– Ты будешь меня останавливать? Мне перечить?

– Нет, госпожа, я не буду тебе перечить. И соглашусь быть твоей спутницей. Ты решишь мне сказать?

– Да разрешу, конечно! Говори!

– Одну я бы тебя просто не отпустила бы. Со мной тебе будет спокойнее.

– Неужели ты будешь удерживать меня от шалостей, девчонка?

– О нет, госпожа, я не стану тебя ни от чего удерживать... – Сафия покорно опустила глаза.

«Это тебе, великая принцесса, придется меня удерживать. Но, быть может, и ты научишься...»

Так Сафия и Будур в первый раз вышли в город.

С тех пор уже не один раз нарождалась луна. Будур в образе иноземной красавицы побывала уже и в квартале мудрецов из Кордовы, и на улицах, что вели к базару, шумному даже вечерней порой, и даже – о, храни от знания об этом отца и халифа, Хазима Великого, – в веселом квартале. Там они выдавали себя за иноземных девушек, ищущих знаний о великих тайнах любви. Хозяйка одного из этих веселых домов оказалась соплеменницей Сафии. Она согласилась проводить девушек в потайную комнату, чтобы они могли «учиться искусству любви». Но очень скоро царице наскучило быть только наблюдателем. И она решила, что сама выберет себе мужчину, точно так, как мужчина выбирает девушку.

Узнав о таком решении, Сафия лишь молча поклонилась. В уголках ее губ пряталась усмешка. «Я знала, что так будет, маленькая царица», – словно говорили ее глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.